

Научная статья
УДК 37
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-147
EDN: YBIPMN

**Формирование национальной идентичности
и воспитание гражданственности в системе образования**

Маргарита Алексеевна Юрченко

Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики Сибирского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск
yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Аннотация. В данной статье автор освещает один из этапов исследования на тему «Дидактическая концепция формирования национальной идентичности и воспитания гражданственности на основе культурологического подхода». Актуальность исследования объясняется возвратом запроса на консолидацию нации в плоскость педагогической науки и слабой междисциплинарной разработанностью проблемы как на уровне методологии, так и на уровне дидактики. Опираясь на культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского и культурологический подход в образовании в данной статье помимо обобщения и теоретического анализа используется метод экстраполяции результатов исследований смежных областей научного знания (психологии, культурологии, антропологии, политологии). На материалах наиболее авторитетных (опираясь на количество цитирований) российских и зарубежных исследований XX-XXI в. автор выявляет существующие подходы к пониманию идентичности в социально-гуманитарном знании, выстраивает корреляцию национальной идентичности и гражданственности, обосновывает роль системы образования в формировании идентичности и воспитании гражданственности, что в совокупности позволяет обозначить особенности гражданского образования на основе культурологического подхода в мультикультурном государстве (на примере РФ). Автор приходит к выводу о том, что хотя посылка гражданственности может вызывать противоречивые чувства, необходимо понимать, что все образовательные программы так или иначе направлены на воспитание будущих участников общества, которых невозможно обучать и воспитывать в отрыве от конкретного культурного контекста в рамках различных национальных государств. Выделенные автором теоретические основы формирования национальной идентичности и воспитания гражданственности позволят в перспективе выстроить дидактическую концепцию, состоятельную с точки зрения уже проводимой образовательной политики и актуальных задач российского нациестроительства.

© Юрченко М. А., 2024

Ключевые слова: активная гражданственность; национальная идентичность; образование в нациестроительстве; политическая культура; культурологический подход; образовательная политика; нациестроительство в России; культуросообразность образования

Для цитирования: Юрченко М. А. Формирование национальной идентичности и воспитание гражданственности в системе образования // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 147-164. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-2-23-147>. <https://elibrary.ru/YBIPMN>.

Original article

Formation of national identity and education of citizenship in the education system

Margarita A. Yurchenko

Candidate of pedagogical sciences, lecturer, department of foreign languages and linguistics, Siberian institute of management, Branch of Russian Presidential academy of national economy and public administration, Novosibirsk
yurchenko-maa@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6886-7431>

Abstract. In this article, the author covers one of the stages of research on the topic “Didactic concept of formation of national identity and education of citizenship based on a cultural approach”. The relevance of the study is explained by the return of the request for the consolidation of the nation to the pedagogical science and the weak interdisciplinary development of the problem both at the level of methodology and at the level of didactics. Based on the cultural and historical concept of L. S. Vygotsky and the cultural approach in education in this article, in addition to generalization and theoretical analysis, the method of extrapolating the results of research in related areas of scientific knowledge (psychology, cultural studies, anthropology, political science) is used. Based on the materials of the most authoritative (based on the number of citations) Russian and foreign studies of the XX-XXI the author identifies existing approaches to understanding identity in socio-humanitarian knowledge, makes a correlation of national identity and citizenship, justifies the role of the education system in the formation of identity and education of citizenship, which together allows us to identify the features of civic education based on a cultural approach in a multicultural state (using the example of the Russian Federation). The author concludes that although the agenda of citizenship can cause conflicting feelings, it is necessary to understand that all educational programs are somehow aimed at educating future participants in society, who cannot be trained and educated in isolation from a specific cultural context within various national states. The theoretical foundations of the formation of national identity and education of citizenship identified by the author will make it possible in the future to build a didactic concept that is consistent from the point of view of the already pursued educational policy and the urgent tasks of Russian nation-building.

Key words: active citizenship; national identity; education in nation-building; political culture; cultural approach; educational policy; nation building in Russia; culture-like formation

For citation: Yurchenko M. A. Formation of national identity and education of citizenship in the education system. *Social and political researches*. 2024;2(23): 147-164. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-2-23-147>. <https://elibrary.ru/YBIPMN>.

С идентичностью не рождаются, она формируется

Введение

Современные науки об образовании стоят перед выбором, если добиваться универсальности, то необходимо интегрировать образовательное наследие всех регионов и культур мира и отойти от исторического этноцентризма. Первое измерение современного кризиса образовательных систем касается разочарования институтом образования, который, обещая равные образовательные возможности для всех, чаще лишь воспроизводит социокультурное неравенство [Duru-Bellat, 2000; Niang, 2014]. Действительно, разрыв между различными социальными категориями не сократился, поскольку улучшение доступа к образованию и его массовость не являются символами истинной демократизации системы [Carlan B., 2018]. Другое измерение кризиса связано с относительной неспособностью школы извлечь из культурного разнообразия обучающихся положительную образовательную динамику [Akkari, Radhouane, 2019]. Во многих системах образования присутствие студентов из числа меньшинств, мигрантов или беженцев рассматривается как проблема, которую необходимо решать. Однако до тех

пор, пока мы считаем культурные различия и разнообразие обучающихся всего лишь препятствием для обучения, мы будем сохранять школу, которая дискриминирует, нападает и ограничивает потенциал многих.

В современной научной литературе существительное «идентичность» употребляется с самыми разными признаками. Национальная идентичность обычно определяется через ассоциирование с каким-либо субъектом и подчеркивание его отличий от Других [Ed. Wivel, Baldacchino, 2020]. *Три концепции идентичности* имеют решающее значение для анализа проблемы современного гражданства – *национальная идентичность, политическая идентичность и гражданская идентичность*. Бурмейстер выделяет *четыре модели национальной идентичности*: интеграция, апартеид (цивилизованный и нецивилизованный), ассимиляция и нематериальность [Bourmeyster, 1994]. Термин «*политическая идентичность*» обычно определяют как совокупность исторически обоснованных предпочтений в отношении определенного типа политики и политической системы. Эти индивидуальные уклоны, в свою

очередь, коррелируют с характером политической культуры, которую Алмонд и Пауэлл определяют как шаблон личных связей и взглядов на политику среди участников политической системы [Almond, 1966]. В академическом мире анализ воздействия культурных аспектов на трансформации в политической сфере иногда сталкивается с острыми возражениями. Сэмюэл Хантингтон заметил: «Концепция культуры в социальных науках сложна, поскольку ее использование является одновременно удобным и недостаточным. Она удобна (и опасна) в применении, поскольку в определенном смысле это остаточная категория. Если другие причины не способны убедительно объяснить значительные различия между обществами, то можно приписать их культуре» [Huntington, 2006, р. 35]. Утверждается, что каждая нация демонстрирует типичную «матрицу характера, предполагается также, что эта относительно постоянная матрица характера ценностно-нейтральна и может при одних условиях привести к развитию положительных черт характера, при других условиях – к отрицательным» [Funk, 2002, р. 96].

В русской политической культуре примечательно сочетание патриархальных обычаев прежней монархии с коммунистическим режимом: последний смог органично интегрировать тоталитарные принципы советской эпохи с традиционными ортодоксальными верова-

ниями, что стало уникальным процессом трансформации. Важно отметить, что курс руководства страны в 1990-е гг. на радикально либеральные реформы во многом обуславливает парадокс новой модели мироустройства, когда мировая держава отказалась от предыдущего социально-экономического паттерна и отвергла попытки перспективы постепенного ухода от социализма, наследуя при этом международный статус и обязательства материнского государства.

Современная концепция гражданства была изложена более сорока лет назад Т. Х. Маршаллом (1973) в его эссе «Гражданство и социальный класс» [Marshall, 1977]. М. Яновиц пишет: «Гражданство не является формальным и абстрактным понятием. Напротив, это идея, наполненная конкретным, специфическим смыслом, отражающим меняющееся содержание политического конфликта. В этом смысле элементы гражданственности присутствуют во всех национальных государствах, даже в самых репрессивных и тоталитарных» [Janowitz, 1985, С. 10]. Й. Шумпетер выразил принципиальное сомнение в том, что «классическую концепцию демократии» возможно претворить в жизнь, обосновывая его тем, что человек по своей природе – существо иррациональное и таковым же является его повседневное (привычное) поведение [Schumpeter, 2013], что, в свою очередь, дает логичное объяснение и тезису о

том, что любое гражданское образование не дает ощутимых преимуществ, поскольку формируемые им чувство ответственности и рационального выбора остаются в сфере профессиональной деятельности граждан, а не их повседневности. Среднестатистический гражданин ведет себя менее активно и менее осознанно, оказываясь в политическом поле, а процесс и результаты принятия политических решений, касающихся широких слоев социума, проходят мимо граждан с очень разным уровнем кругозора и образования. Недостаточность исследования вопросов формирования национальной идентичности и воспитания гражданственности у детей и молодежи в XXI в. с точки зрения методологии педагогического знания и дидактики определили направленность и ход нашего исследования.

Значимость нашей работы определяется потребностью в объединении нации благодаря педагогической науке, поскольку институты образования – единственные социальные лифты, через которые проходит подавляющее большинство граждан нашей страны, если речь идет об СПО и вузах, и абсолютное большинство, если рассматривать основное среднее образование.

Методология и методы

В исследованиях мы опираемся на культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, культурологический подход, современные образовательные стандарты, а так-

же нормативные документы плоскости образовательной политики РФ. Нами поставлена задача проанализировать и обобщить результаты основополагающих отечественных и зарубежных исследований по теме и, применив метод экстраполяции, обеспечить комплексное рассмотрение взглядов на идентичность и гражданственность в социально-гуманитарном знании, во-первых, эксплицитно связывая эти понятия, во-вторых, аргументируя вовлеченность образовательных институтов в формирование идентичности и воспитание гражданственности в мультикультурном государстве (на примере РФ).

Результаты

Безусловно в последние десятилетия XX в. и первые десятилетия XXI в. на фоне роста образовательного уровня электората развитых стран, роста политической искушенности и общей когнитивной мобилизации, ожидалось положительные изменения в портрете среднестатистического гражданина – его вовлеченности [Dalton, 2013]. Мы ожидаем от образованного гражданина высокого уровня политической культуры и развитого внутреннего ресурса проактивности и самодостаточности в поле политики, позволяющих ему не зависеть от национальных и внешнеполитических элит, основательно разбираться в повестке и принимать самостоятельные взвешенные решения в моменте выражения сво-

ей гражданской позиции [Yankelovich, 1991].

Во многом, к сожалению, ожидания экспертов не оправдались, что определило возврат запроса на формирование национальной идентичности и воспитание гражданственности в плоскость педагогической науки и институты образования. Проблема, с которой сообщества столкнулись во втором и третьем десятилетия XXI в., – пассивное восприятие индивидами своей гражданственности, что включает в себя как потребительское поведение граждан по отношению к государству без какой-либо отдачи, так и отсутствие веры в значимость собственных взглядов и действий («мой выбор ни на что не влияет, не буду ничего выбирать»). Это наводит на размышления о том, что понятийное поле «гражданственности», в целом, и «гражданского выбора», в частности, нуждается в расширении (все жизненно важные вопросы) и локализации (везде, каждый, ежедневно).

Неудивительно, что ключевым аспектом в обсуждениях новой демократической концепции стал вопрос о гражданском воспитании. В обществе, достигшем уровня цивилизации, политическая культура и гражданское образование неразрывно связаны и в некотором роде являются взаимозаменяемыми. Применяя критерии политической культуры, которые предложили Алмонд и Пауэлл, можно обозначить *гражданское образование как сложную систему, которая напря-*

мую включает в себя элементы культуры, формирующие характер и тип воспитания, а также общественное поведение и сознание, которые являются характерными для данного общества и государственного устройства [Гуторов, 2009].

Развитие личностных качеств и воспитание чувства гражданства – это ключевая задача для любой современной государственной системы, поэтому термин «гражданское образование» часто пересекается с такими понятиями, как «политическое» или «патриотическое воспитание». Интересно, что до 1980-х гг. ни одно из этих направлений не было признано приоритетным. Это подтверждается, например, заявлением одного из работников Сената США: «Мы стремимся к развитию гражданского образования, но не можем определить, чем оно должно быть» [Remy, 1979, p. 1].

Под гражданским образованием мы, вслед за Морисом Яновицем, подразумеваем «знакомство учащихся с центральными и устойчивыми политическими традициями нации, обучение основным знаниям об организации и функционировании современных правительственных институтов и формирование основных идентификаций и моральных чувств, необходимых, чтобы действовать как эффективные граждане» [Janowitz, 1985, p. 12]. Эффективное гражданское образование приводит к улучшению понимания и значимости

национальной идентификации, что укрепило бы гражданское сознание.

Итак, политические элиты государств напрямую влияют на политическую социализацию масс, осуществляя контроль над институтами образования. Образовательный процесс воспитания гражданственности кристаллизуется в образовательных институтах среднего и высшего образования на трех уровнях:

1. «Формулирование, закрепление и трансляция общих принципов политического менталитета;

2. Овладение широким кругом политических наук (научный уровень понимания политики и самого явления политического);

3. Подготовка как к участию в выборах, так и к профессиональной политической деятельности» [Ачкасов, 2001, с. 18].

В наше время общепризнанным стало мнение, что для поддержания устойчивого гражданства необходимо наличие надежной и действенной системы гражданского воспитания, которая информирует индивида о его правах и гражданском долге, в связи с чем вопросы национальной и гражданской самоидентификации, а также критерии формирования и воспитания таковых выдвинулись на передний план. Сегодня многие историки склонны согласиться с тем, что все виды национализма приобретают культурное измерение, поскольку культура и ее элементы мощно стимулируют процесс национального строительства. Следовательно,

один из способов понять, как формируется нация, – это представить себе людей, живущих в определенном географическом пространстве, разделяющих уникальные культурные и исторические традиции, которые дают им коллективное ощущение права сформировать независимую политическую единицу, называемую государством, и жить в ней, потому что именно в этом состоянии у них возникает чувство защищенности и границ. Более того, если другие признают нацию как имеющую территориальные границы, то со временем она может развиваться, становясь союзом обществ, называемых государствами. Нации кажутся «реальными» и даже вечными, но в исторической перспективе это не совсем так – нации приходят и уходят.

Культура тесно связана с воспоминаниями людей, которые со временем из воспоминаний отдельных людей становятся общими национальными воспоминаниями. Это происходит посредством «территориализации памяти», когда воспоминания, разделяемые значительной долей населения, привязываются к территориям, которые впоследствии воспринимаются как историческая родина (обычно такими местами являются святыни, необычайные исторические или религиозные памятники или места сражений). Индивидуальная память становится коллективной и, наконец, культурной памятью о нации и ее истории, однако культура сама по

себе не может гарантировать выживание нации. Понимание национального строительства требует понимания того, что такое национальная идентичность и как она формируется. Нацию можно рассматривать как сообщество с фундаментальным консенсусом относительно своей культуры, социальных и политических ценностей, норм поведения и целей – общего мировоззрения.

Как показала история, государственное строительство было универсальным процессом, однако не все государства шли одинаковыми путями. Например, если мы рассмотрим XVIII век, мы увидим дихотомию в формировании нации как единого целого: формированию наций способствовало создание специализированных государственных институтов, таких как армия, и образовательных учреждений, таких как университеты. Эти государственные институты помогли гомогенизировать различные этнические, языковые и даже религиозные группы в одну нацию, то есть культурные и политические границы продолжают эффективно отделять «нас» от «них».

«Формирование политической гражданской нации при сохранении многообразия этнического состава и религиозной принадлежности населения страны» [Стратегия государственной ...] заявлены в стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г., тогда как современ-

ный политический дискурс активно вовлечен в конструирование идеологием «российская нация» и «российский народ», обе из которых подразумевают устойчивую политическую самоидентификацию гражданина. В начале второго десятилетия XXI в. авторитетные российские политологи, в частности С. И. Каспэ, заявляли о том, что «российская политическая нация не существует или, по крайней мере, весьма далека от устойчиво консолидированного состояния» [Каспэ, 2012, с. 7]. До сих пор не утихают дебаты о продуктивности механизмов и средств воспитания гражданской нации в мультикультурном российском обществе, где «утверждаются и переутверждаются множественные социальные идентичности» [Кашаф, 2013, с. 105]. Вне всякого сомнения, каждая из этих идентичностей и привязанных к ним сообществ стремится транслировать как собственные интересы, так и их культурно символические репрезентации.

Нация, как нам кажется, – та дискурсивная формация, которая мирным путем задает рамку политической жизни государства. При этом дискурс нациестроительства формируется, сразу несколькими акторами, помимо самого государства, включающего общественные и религиозные организации, политические и интеллектуальные элиты и др. Нациестроительный дискурс, формируясь одновременно сверху и снизу, как коллективный продукт

массового достигает конечного реципиента через два канала: СМИ и система образования (включая его неформальные формы и ГМП). При этом эффект дискурсивного воздействия вышеназванных каналов, по Ю. Хабермасу, напрямую зависит от степени их диффузности, то есть от того насколько широк их охват и насколько активно взаимодействие граждан с ними. Таким образом, образование является уникальным, относительно управляемым институтом, через который проходит абсолютное большинство жителей нашей страны. Вопрос о том, что такое российская идентичность и как определить российскую культуру, являющуюся если не главным, то совершенно точно основным ресурсом нациестроительства в рамках функционирования системы образования, представляется нам актуальным.

Современная российская идентичность, конструируемая на осколках советскости, пережила беспрецедентный экзистенциальный кризис, обусловленный резкой утратой привычных реалий и необходимостью активного замещения образовавшихся лакун ценностного ряда и идеалов. Фактически речь идет о кризисе национальной идентичности, заключенном не в дискуссии о плюрализме, а в базовой мозаичности самопонимания молодых взрослых и взрослых взрослых. Это значит, что несмотря на номинально достигнутую стабильность коллективной идентичности «Мы-россияне», ее наполнение все еще

очень смутно, многообразно и неоднозначно. Можно утверждать, что в нашей стране у молодежи наиболее отчетливо выражена взаимосвязь между религиозной идентификацией и патриотическими установками [Хухлаев, 2019], но пока еще не национальной самоидентификацией и патриотическими установками. Таким образом, несмотря на формальное преодоление советской квазиимперской идентичности, говорить об упорядоченности отношений с новой идентичностью или об упорядоченности ее наполнения было бы преждевременно.

В условиях крайней геополитической радикализации текущего момента критически важным становится разрешение этого противоречия, как минимум, в проблемном поле педагогической науки. При этом важно помнить, что в эпоху глокализации и в определенном смысле культурного возрождения, что по Т. Парсонсу подразумевает активацию защитных функций этнического традиционализма против аккультурации, религиозно-этническую дифференциацию в Российской Федерации невозможно и нецелесообразно пытаться нивелировать. Мы солидарны с Р. Брубейкером, предлагающим в целях необходимого нам упорядочения перейти от изучения идентичности к изучению идентификации, от сущности к процессу [Brubaker, 2015]. При более подробном рассмотрении данного подхода, его продуктивность в образовательном

контексте заключается в том, что мы более не предпринимаем попыток рассматривать этничность, расу и нацию как объект внешнего мира, но работаем с данными категориями как с системой миропонимания (интерпретации, репрезентации, контекстуализации). Если мы признаем, что национальная идентичность обладает дискурсивной природой, мы признаем и то, что она неизбежно будет являться объектом борьбы разных нарративов не только и не столько внутри государства, но и за его пределами. Это возлагает дополнительную нагрузку на систему образования, которая вынуждена иметь дело не только с отбором содержания образования, модернизации процедурного компонента, формулировкой и оценкой достижения заявленного образовательного результата, но и решать задачу со звездочкой – воспитание личности, способной критически оценить различные нарративы, особенно политизированные.

В привычных примордиалистам рассуждениях нация черпает идентичность от этноса, который является ее предшественником и уже объединен одним языком, культурой и конфессией своих членов. Для того, чтобы этнос, несколько этносов, а тем более множество этносов, что характерно для РФ, успешно трансформировались в единую нацию, по мнению Э. Хобсбаума, необходимо обеспечить способность масс осознать общность культур, именно поэтому

первостепенное значение в вопросах гражданственности имеет культивация прочных связей с историей и воспитание культурной элиты. В таком случае, духовные (культурные) связи всегда будут намного более значимы, нежели этнические (биологические). Национальная идентичность, ориентированная на феномен духовности, не конструируется и не меняется одним днем, вне зависимости от сознательно выражаемой на этот счет воли индивидуума, но путем продолжительного и целенаправленного перенастраивания прежде доминировавшего духовного уклада [Шпет, 1989], что прекрасно объясняет проблемы реконструкции национальной идентичности взрослого населения в конце 1980-х – начале 1990х гг. и сложную трансформацию *homo sovieticus*.

По мнению Э. Фромма, подобно тому, как матери прививают своим детям способность проявлять свою радость, люди выражают и принадлежность к нации (например, радость от победы национальной спортивной команды – это то, что люди переживают вместе, независимо от их этнической принадлежности, религии и т. д.). Нация как политическая общность предрасположена к ассимиляции своих членов больше, чем любая другая, как следствие, гражданин с высоко развитой национальной идентичностью будет склонен ощущать ее более близко, сильно, тесно, нежели этничность, религию или что-то

иное. Осознавая этот тезис, еще М. Вебер говорил о *трех решающих качества политика*: политической страсти, глазомере и ответственности. На наш взгляд, три эти константы сохраняются как характеристики, необходимые педагогу в работе с содержанием образования, направленного на укрепление национальной идентичности и гражданственности: отдача делу, опора на контекст, истинность ориентиров. Именно при таком образе педагога (или первичных требованиях к нему) уместно будет говорить о том, что общая российская идентичность не противоречит ни одной из этнических, существующих на территории нашей страны, имея надэтническую природу, что идеально сочетается с ценностью сохранения целостности исторически сложившихся на территории РФ культур.

Характеризуя российскость как надэтническую идентичность на фоне возвращения религии в светское пространство, в том числе в образование, в рамках данного исследования невозможно обойти стороной религиозную составляющую. Религия в Российской Федерации, всегда позиционирующаяся как элемент национальной идентичности, действительно может проявлять себя как разделительный критерий или же как культурный фактор, склонный к политизации. Политическое значение религии реконструируется максимально широко – как определяющий культурный фактор,

поскольку мы уже не живем категориями «Столкновения цивилизаций» С. Хантингтона и признаем, что религиозные границы утратили столь фундаментальное значение. Как нам кажется, в этом случае именно возможности системы образования приходят на помощь в качестве ресурса предупреждения радикализации и популяризации религиозного фундаментализма (любого толка – будь то исламского, христианского или иудейского и т. д., поскольку все они носят универсалистский характер), с одной стороны, и максимального просвещения, с другой стороны.

В терминах нациестроительства современная Россия *de facto* перестала быть империей, но еще не успела стать нацией в полной мере. Главная проблема, по мнению экспертов-политологов, заключается в отсутствии политического участия, присущего гражданской нации. Понятие «цивилизация», существующее как бы между империей и нацией, по мнению патриарха Кирилла, учитывает мультикультурность России, однако, с точки зрения нациестроительства, является совершенно несостоятельным [Между империей и нацией, 2017; Паин, 2004; Паин, 2017]. А. Миллер пишет, что миф о том, что *nation-state* – самая успешная форма политики, непременно ведущая к демократии – давно развеян [Миллер, 2020]. Нельзя не упомянуть, что миф этот западного генезиса и Западу же обязан своим беспрецедентным продвижением на мировой арене.

Еще в 1990-е гг. В. А. Тишковым была предложена трактовка нации как «политически и эмоционально нагруженной *метафоры самообозначения*, за исключительное обладание которой борются две формы социальных коалиций: сообществ по суверенному государству и сообществ по культурной схожести» [Тишков, 1998, с. 5; Тишков, 1995, с. 7]. Современные концепты нации, неизбежно характеризующиеся взаимным проникновением, по использованию можно разделить на *две крупные группы*: гражданская (политическая) нация и этническая (культурная) нация. Хотя оба концепта находятся в постоянном процессе трансформации и соперничества, у экспериментального поля России в части конструирования идентичности в любой ее интерпретации – широчайший простор с благодатной почвой.

Фактически мы можем рассуждать о том, что масса государственных образований лишь только мимикрирует под национальную идею. При всем многообразии процессов нациестроительства, которые человечество лицезрело за последние три-четыре десятилетия, наша позиция заключается в том, что именно государство, как актер, успешно обеспечивает важнейшие экзистенциальные потребности и права современного человека: от вопросов национальной безопасности до окультуривания нации и собственно превращения жителей в граждан путем их взаимодействия с государственными институтами.

Кризис пандемии Covid-19 доказал, что рассуждения об отмирании наций-государств, как минимум, преждевременны. Как выразился Д. Геллнер, «перед лицом экзистенциальной угрозы старые боги неолиберализма летят в печку на сжигание» [Gellner, 2020, с. 270].

Заключение

Источником легитимации власти является, среди прочих, конструируемая, вращиваемая и культивируемая национальная идентичность и гражданственность, гарантирующие успешность рутинно-повседневного референдума на приверженность и сопричастность к государству как к Отечеству среди представителей всех поколений [Тишков, 2021]. Своеобразная взаимозаменяемость понятий «нация» и «государство» и связанный с ней совершенно очевидный интерес к образованию, вероятно, являются результатом того факта, что в течение очень долгого времени только ученые в очень могущественных национальных государствах изучали связь образования и нациестроительства. Именно поэтому название самой всеобъемлющей организации в мире, Организации Объединенных Наций, на самом деле является неправильным, ООН объединяет не разные нации мира – иначе курды, саамы или палестинцы (Палестина, по крайней мере, имеет статус наблюдателя) и многие другие были бы официальными членами – а скорее государства, национальные государства [Tröhler, 2020].

Иллюзия эквивалентности между государством и нацией ввела в заблуждение значительную часть исследователей в области образования не только в отношении гражданственности, но и в отношении вопросов современности, требований глобализации, представлений о мировой культуре или даже провозглашения конца истории. Д. Трёлер выделяет феномен, который одновременно выражает эту дискурсивную ловушку и усиливает ее: значительную недооценку национального компонента в образовании и исследованиях учебных программ, а также незнание образования в теоретическом изучении национализма.

Нет необходимости специально говорить о том, что образование как социальная практика представляет собой высоконравственный вопрос. Со времен раннего Просвещения менее значительная часть этих усилий действительно заключалась в том, чтобы дать возможность следующему поколению участвовать в экономических и социальных процессах и прогрессе, а для элит – в политических событиях. Нормативная основа этих образовательных вмешательств, как правило, формировалась религиозными идеями, особенно в протестантизме, который в силу специфики собственной теологии мог в гораздо большей степени, чем католицизм, сосредоточиться на смягчении или укрощении сердца или души человека, подвергающе-

гося воздействию окружающего мира. В ходе длительного процесса теологическая и церковная основа этих образовательных мер постепенно передавалась государству. Предполагается, что процесс секуляризации охватывает гораздо больше, чем только институциональные изменения, и включает также ментальные и культурные аспекты жизни, поскольку кульминацией этого процесса является освобождение рационального современного гражданина от суеверий и предрассудков, результативность чего вполне правомерно поставить под сомнение. Кроме того, в течение XVIII в. возникло не просто рациональное государство, отделившееся от церкви: многие интеллектуалы чувствовали, что государство нуждалось в чем-то, что Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» назовет гражданской религией, давая почву для рассуждений о нации. Французская революция впервые объединила нацию в ее сплоченной силе со структурой власти (конституционного) государства. Когда первая французская конституция, принятая в 1791 г., провозгласила французского короля «королем французов» (а не по милости Божией), стало ясно, что принцип государственности тесно связан с принципом нации.

«Национальная система образования – живое существо, результат забытой борьбы и трудностей и “давних сражений”. В нем заключены некоторые тайные процессы

национальной жизни», – писал Сэдлер в 1900 г. [Sadler, 1900, с. 11]. Речь идет о том, что вся школьная система с ее учебной программой повсеместно исходит из национальных (истских) особенностей и имеет целью их воспроизводство путем культивирования национальной идентичности в силу «национальной грамотности». Конечно, дети изучают языки, геометрию, органическую химию, но одновременно, читая определенные тексты (а не другие), они учатся жить и существовать в социуме. Наши школы невероятно тесно связаны с национальными государственными, и одно без другого было бы невозможно. Несмотря на то, что

национализм часто вторгается в нашу жизнь, мы должны осознавать, что зачастую это просто агрессивная форма, которая не требует ответной реакции. Конечно, в настоящее время исследования в области образования пришли к признанию того, в какой степени учебные программы предназначены для формирования будущих граждан, но они крайне редко оценивают «гражданина», рассматривая его как нестабильное означающее, поскольку образовательная концепция материализуется совершенно по-разному в определенных культурных контекстах национальных государств.

Библиографический список

1. Ачкасов В. А. Развитие политологии в Санкт-Петербурге / В. А. Ачкасов, В. А. Гуроров // Политическая наука. 2001. № 3. С. 15-44.
2. Гуроров В. А. Политическое образование и университетская традиция // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 4. С. 20-39.
3. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи / О. Е. Хухлаев, Е. А. Александрова, В. В. Гриценко [и др.] // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14, № 3. С. 71-82. DOI 10.17759/chp.2019150308.
4. Каспэ С. И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. Москва : РОССПЭН, 2012. 191 с.
5. Кашаф Ш. Р. Нациестроительство в современной России в рамках дискурса о гражданской, этнической и религиозной идентичности в мусульманских регионах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. №4. С. 105-116.
6. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mezhdu-imperiej-i-nacziej/> (дата обращения: 27.04.2024).
7. Миллер А. Нация или могущество мифа // Полит.ру. 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/> (дата обращения: 27.04.2024).
8. Паин Э. А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. Москва : Новое изд-во, 2004. 248 с.
9. Паин Э. А. Нация и демократия. Перспективы управления культурным разнообразием / Э. А. Паин, С. Ю. Федюнин. Москва : Мысль, 2017. 266 с.

10. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/> (дата обращения: 27.04.2024).
11. Тишков В. Нация, национализм и нациестроительство. Почему это важно для России // Россия в глобальной политике. 2021.2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-naczionalizm/>. (дата обращения: 27.04.2024) DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.
12. Тишков В. А. Забыть о нации: Постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
13. Тишков В. А. Что есть Россия? Перспективы нациестроительства // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17.
14. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. Москва : Правда, 1989. С. 475-574.
15. Akkari A. & Radhouane M. Les approches interculturelles en éducation : entre théorie et pratique. Québec : Presses Universitaires de Laval, 2019. 304 p.
16. Almond G. A., & Powell G. B. Comparative politics. A developmental Approach. 1966. 372 p.
17. Bourmeyster A. La Correspondance d'un coin à l'autre : Dialogue ou représentation ? // Cahiers du Monde Russe. 1994. 35 (1-2). P. 91-103.
18. Brubaker R. Grounds for difference. UK: Harvard University Press, 2015. 219 p.
19. Caplan B. The case against education: Why the education system is a waste of time and money. Princeton: Princeton University Press. 2018. 492 p.
20. Dalton R. J. Citizen politics: Public opinion and political parties in advanced industrial democracies. USA: SAGE Publications, 2013. 366 p.
21. Duru-Bellat M., & Kieffer A. Démocratisation de l'enseignement. Une comparaison européenne // Revue de l'OFCE. 2000. № 73. P. 243-258.
22. Funk R., Bierhoff B., Fromm E. Erich Fromm als Vordenker: "Haben oder Sein" im Zeitalter der ökologischen Krise. Deutschland: Ed. Zeitsprung, 2002. 223 s.
23. Gellner D. N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Soc Anthropol. 2020. 28. P. 270-271. URL: <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12830> (дата обращения: 27.04.2024)
24. Handbook on the politics of small states. Ed. Wivel A., Baldacchino G. UK: Edward Elgar Publishing, 2020. 448 p.
25. Huntington S. P. Political order in changing societies. UK: Yale University Press, 2006. 488 p.
26. Janowitz M. The reconstruction of patriotism. Education for civic consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 220 p.
27. Marshall T. H. Class, citizenship, and social development: Essays. UK: University of Chicago Press, 1977. 365 p.
28. Niang F. L'école primaire au Sénégal : éducation 1 pour tous, qualité pour certains // Cahiers de la recherche sur l'éducation et les savoirs. 2014. №13, P. 239-261.
29. Remy R. C., & Turner M. J. Basic citizenship competencies: Guidelines for educators, policymakers, and citizens // Quarterly Report, Mershon Center, Ohio State University. 1979. 5. P. 1-8.

30. Sadler M. E. How can we learn anything of practical value from the study of foreign systems of education? In Surrey advertiser. Guilford: Surrey Advertiser Office, 1900. 19 p.

31. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. UK: Taylor & Francis, 2013. 460 p.

32. Tröhler D. National literacies, or modern education and the art of fabricating national minds // Journal of Curriculum Studies, 55 (2) 620-635. 2020. DOI: 10.1080/00220272.2020.1786727.

33. Yankelovich D. Coming to public judgment. Making democracy work in a complex world. Syracuse; New York: Syracuse University Press, 1991. 312 p.

Reference list

1. Achkasov V. A. Razvitie politologii v Sankt-Peterburge = Development of political science in St. Petersburg / V. A. Achkasov, V. A. Gutorov // Politicheskaja nauka. 2001. № 3. S. 15-44.

2. Gutorov V. A. Politicheskoe obrazovanie i universitetskaja tradicija = Political education and university tradition // Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS. 2009. T. 5, № 4. S. 20-39.

3. Identifikacija s religioznoj gruppoj i jetnonacional'nye ustanovki buddistskoj, musul'manskoj i pravoslavnoj molodezhi = Identification with a religious group and ethno-national attitudes of Buddhist, Muslim and Orthodox youth / O. E. Huhlaev, E. A. Aleksandrova, V. V. Gricenko [i dr.] // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2019. T. 14, № 3. S. 71-82. DOI 10.17759/chp.2019150308.

4. Kaspje S. I. Politicheskaja teologija i nation-building: obshhie polozhenija, rossijskij sluchaj = Political theology and nation-building: general provisions, Russian case. Moskva : ROSSPJeN, 2012. 191 s.

5. Kashaf Sh. R. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii v ramkah diskursa o grazhdanskoj, jetnicheskoj i religioznoj identichnosti v musul'manskih regionah = Nation-building in modern Russia as part of a discourse on civil, ethnic and religious identity in Muslim regions // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2013. №4. S. 105-116.

6. Mezhdru imperiej i naciej = Between empire and nation // Rossija v global'noj politike. 2017. № 2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mezhdru-imperiej-i-nacziej/> (data obrashhenija: 27.04.2024).

7. Miller A. Nacija ili mogushhestvo mifa = Nation or myth power // Polit.ru. 2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/06/natioormyth/> (data obrashhenija: 27.04.2024).

8. Pain Je.A. Mezhdru imperiej i naciej. Modernistskij proekt i ego tradicionalistskaja al'ternativa v nacional'noj politike Rossii = Between empire and nation. The modernist project and its traditionalist alternative in Russian national politics. Moskva : Novoe izd-vo, 2004. 248 c.

9. Pain Je.A. Nacija i demokratija. Perspektivy upravlenija kul'turnym raznoobraziem = Nation and democracy. Perspectives on cultural diversity management / Je. A. Pain, S.Ju. Fedjunin. Moskva : Mysl', 2017. 266 c.

10. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 g. = Strategy of the state national policy of the Russian Federation until 2025.

URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/> (data obrashhenija: 27.04.2024).

11. Tishkov V. Nacija, nacionalizm i naciestroitel'stvo. Pochemu jeto vazhno dlja Rossii = Nation, nationalism and nation-building. Why is it important for Russia // Rossiya v global'noj politike. 2021.2. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-naczionalizm/>. (data obrashhenija: 27.04.2024) DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62.

12. Tishkov V. A. Zabyt' o nacii: Postnacionalisticheskoe ponimanie nacionalizma Forgetting the Nation: A Post-Nationalist Understanding of Nationalism // Voprosy filosofii. 1998. № 9. S. 3–26.

13. Tishkov V. A. Chto est' Rossiya? Perspektivy naciestroitel'stva = What is Russia? National construction prospects // Voprosy filosofii. 1995. № 2. S. 3–17.

14. Shpet G. G. Vvedenie v jetnicheskiju psihologiju = Introduction to ethnic psychology // Shpet G. G. Sochinenija. Moskva : Pravda, 1989. S. 475-574.

15. Akkari A. & Radhouane M. Les approches interculturelles en éducation : entre théorie et pratique. Québec : Presses Universitaires de Laval, 2019. 304 p.

16. Almond G. A., & Powell G. B. Comparative politics. A developmental Approach. 1966. 372 p.

17. Bourmeyster A. La Correspondance d'un coin à l'autre : Dialogue ou représentation ? // Cahiers du Monde Russe. 1994. 35 (1-2). P. 91-103.

18. Brubaker R. Grounds for difference. UK: Harvard University Press, 2015. 219 p.

19. Caplan B. The case against education: Why the education system is a waste of time and money. Princeton: Princeton University Press. 2018. 492 p.

20. Dalton R. J. Citizen politics: Public opinion and political parties in advanced industrial democracies. USA: SAGE Publications, 2013. 366 p.

21. Duru-Bellat M., & Kieffer A. Démocratisation de l'enseignement. Une comparaison européenne // Revue de l'OFCE. 2000. № 73. P. 243-258.

22. Funk R., Bierhoff B., Fromm E. Erich Fromm als Vordenker: "Haben oder Sein" im Zeitalter der ökologischen Krise. Deutschland: Ed. Zeitsprung, 2002. 223 s.

23. Gellner D. N. The nation-state, class, digital divides and social anthropology // Soc Anthropol. 2020. 28. P. 270-271. URL: <https://doi.org/10.1111/1469-8676.12830> (data obrashhenija: 27.04.2024)

24. Handbook on the politics of small states. Ed. Wivel A., Baldacchino G. UK: Edward Elgar Publishing, 2020. 448 p.

25. Huntington S. P. Political order in changing societies. UK: Yale University Press, 2006. 488 p.

26. Janowitz M. The reconstruction of patriotism. Education for civic consciousness. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 220 p.

27. Marshall T. H. Class, citizenship, and social development: Essays. UK: University of Chicago Press, 1977. 365 p.

28. Niang F. L'école primaire au Sénégal : éducation 1 pour tous, qualité pour certains // Cahiers de la recherche sur l'éducation et les savoirs. 2014. №13, P. 239-261.

29. Remy R. C., & Turner M. J. Basic citizenship competencies: Guidelines for educators, policymakers, and citizens // Quarterly Report, Mershon Center, Ohio State University. 1979. 5. P. 1-8.

30. Sadler M. E. How can we learn anything of practical value from the study of foreign systems of education? In Surrey advertiser. Guilford: Surrey Advertiser Office, 1900. 19 p.

31. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. UK : Taylor & Francis, 2013. 460 p.

32. Tröhler D. National literacies, or modern education and the art of fabricating national minds // Journal of Curriculum Studies, 55 (2) 620-635. 2020. DOI: 10.1080/00220272.2020.1786727.

33. Yankelovich D. Coming to public judgment. Making democracy work in a complex world. Syracuse; New York: Syracuse University Press, 1991. 312 p.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 17.05.2024.

The article was submitted on 22.03.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication on 17.05.2024